

Н. В. Салоников, К. В. Суториус

Новгородская архиерейская школа и «разбор» духовенства 1736–1738 гг.

УДК 94(470)"1736/1738"+271.2-9

DOI 10.47132/1814-5574_2022_2_294

Аннотация: В статье рассматривается, каким образом небезызвестный в историографии сюжет о «разборе» духовенства в годы правления Анны Иоанновны преломился в истории Новгородской архиерейской школы. Диахронический подход к источникам, которые уже привлеклись к изложению истории о «разборе», а также сопоставление их с источниками по истории архиерейской школы показывают, что вопрос об образовании церковнослужительских детей во второй половине 30-х гг. XVIII в. актуализировался именно в ходе «разбора» детей духовенства и оказался, в частности, связанным с тем, что по распоряжению новгородского вице-губернатора были взяты на военную службу несколько учеников Новгородской архиерейской школы. В ходе преодоления возникшего между губернской администрацией и управителями архиерейского дома конфликта в административном сознании утверждается связь между образованием церковнических детей, их возрастом и освобождением от военной службы. Закрепившие эту связь императорские указы от 7 и 25 сентября 1737 г. создали ситуацию, в которой церковнослужителям стало выгодным отдавать своих детей учиться в школу, что привело к росту спроса на образовательные услуги, возникновению сети школ (семинарий) для детей церковнослужителей, созданных по модели иезуитских коллегиумов, и к широкому распространению образования среди духовенства, чего не смогли достичь указы петровского времени. В Новгородской архиерейской школе число учеников в ходе «разбора» увеличилось в несколько раз.

Ключевые слова: Новгородская архиерейская школа, Св. Синод, духовенство Русской Православной Церкви, «разбор» духовенства, императрица Анна Иоанновна.

Об авторах: **Николай Вячеславович Салоников**

Кандидат исторических наук, доцент кафедры всемирной истории и международных отношений Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого; старший научный сотрудник отдела использования документов Государственного архива Новгородской области.

E-mail: salonikov@list.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6094-2038>

Константин Владимирович Суториус

Кандидат исторических наук, старший преподаватель департамента филологии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Санкт-Петербург.

E-mail: sutorius@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5692-8076>

Для цитирования: Салоников Н. В., Суториус К. В. Новгородская архиерейская школа и «разбор» духовенства 1736–1738 гг. // Христианское чтение. 2022. № 2. С. 294–315.

Финансирование: Исследование выполнено при поддержке научного фонда НИУ ВШЭ.

KHRISTIANSKOYE CHTENIYE [Christian Reading]

Scientific Journal
Saint Petersburg Theological Academy
Russian Orthodox Church

No. 2

2022

Nikolay V. Salonikov, Konstantin V. Sutorius

The Novgorod Bishops' School and the "Breaking Up" of Clergy in 1736–1738

UDK 94(470)"1736/1738"+271.2-9

DOI 10.47132/1814-5574_2022_2_294

Abstract: The article discusses how the story about the "breaking up" of the clergy during the reign of Anna Ioannovna, not unknown in historiography, was reflected in the history of the Novgorod bishops' school. The diachronic approach to the sources that have already been involved in the presentation of the history of the "breaking up", as well as their comparison with sources on the history of the bishops' school, show that the question of the education of the children of clergy in the second half of the 1730s was actualized during the "breaking up" of the children of the clergy and turned out, in particular, to be connected with the fact that, by order of the Novgorod vice-governor, several students of the Novgorod bishops' school were taken into military service. In the course of overcoming the conflict that arose between the provincial administration and the rulers of the bishops' school, the connection between the education of church children, their age and exemption from military service is affirmed in the administrative consciousness. The imperial decrees of September 7 and 25, 1737, which consolidated this connection, created a situation in which it became profitable for clergy to send their children to school, which led to an increase in demand for educational services, the emergence of a network of schools and seminaries for the children of clergy, created according to the model Jesuit collegia, and to the wide dissemination of education among the clergy, which the edicts of Peter's time could not achieve. In the Novgorod bishops' school, the number of students increased several times during the "breaking up".

Keywords: Novgorod Bishops' School, Holy Synod, Russian Orthodox Church clergy, Empress Anna Ioannovna.

About the authors: **Nikolay Vyacheslavovich Salonikov**

Ph.D. in History, Associate Professor at Yaroslav-the-Wise Novgorod State University, Senior Researcher at the Novgorod Region State Archive.

E-mail: salonikov@list.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6094-2038>

Konstantin Vladimirovich Sutorius

Ph.D. in History, Senior Lecturer at the National Research University Higher School of Economics, St. Petersburg.

E-mail: sutorius@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5692-8076>

For citation: Salonikov N.V., Sutorius K.V. The Novgorod Bishops' School and the "Breaking Up" of Clergy in 1736–1738. *Khristianskoye Chteniye*, 2022, no. 2, pp. 294–315.

Funding: The research was carried out with the support of the Science Foundation HSE University.

Отношения между светской и духовной властью на протяжении всего XVIII столетия складывались непросто и неоднозначно. Сложными они были и во время правления императрицы Анны Иоанновны. Яркой иллюстрацией этого стал эпизод о так называемом «разборе» духовенства 1736–1738 гг., который не только потряс всю Православную Церковь, но и коснулся учебных заведений, находившихся в ее ведении, оказав, пожалуй, самое большое влияние на развитие системы образования для выходцев из духовного сословия в XVIII в.

Сюжет о «разборе» духовенства подробно рассматривал в своих исследованиях, посвященных политике правительства Анны Иоанновны в отношении Православной Церкви, Б. В. Титлинов [Титлинов, 1904, 86–121; Титлинов, 1905]. Хотя его труды основаны на большом количестве архивных материалов, главным образом из архива Св. Синода, а также на уже опубликованных документах, автор в них нередко занимает позицию, которую мы бы скорее назвали позицией обличителя, чем исследователя. Он непрерывно сетует на то, что светская власть («правительство») ставила «на первый план интересы общегосударственные», когда они сталкивались с интересами духовного сословия. Распоряжения и меры правительства он называет скоропалительными, непоследовательными, противоречивыми, исходящими из не соответствующих действительности представлений (в частности, из представления о том, что «духовное сословие переполнено праздными людьми»), идущими вразрез с жизненным опытом и потому недолговечными. Ученый, ловко пользуясь средствами риторики, манипулирует чувствами читателя, вызывая у него, с одной стороны, сочувствие к представителям духовного сословия (за исключением, пожалуй, архиеп. Феофана (Прокоповича)), какими бы ни были их действия, а с другой, неприязнь к правительству и негативное отношение к его непопулярным в среде духовенства мерам¹. Автор рассматривает «разбор» духовенства времени русско-турецкой войны 1735–1739 гг. отдельно от политики «правления» в отношении сословий в целом. В результате «разбор» представляется мероприятием, которое коснулось только духовного сословия. Однако, как показывают современные исследования, «разбору», который начался в 1736 г., были подвергнуты дети не только духовенства, но также дворян и «разночинцев» [Петрухинцев, 2014, 668–687].

«Разбор» духовенства был непосредственно спровоцирован событиями начавшейся в 1735 г. очередной русско-турецкой войны. В 1736 г. после тяжелой интервенции в Крым армия особенно нуждалась в пополнении, и правительство решило для этой цели воспользоваться людскими ресурсами, в частности, духовного ведомства. 28 сентября 1736 г. был издан указ о «разборе» духовенства, который в п. 1 предписывал: «Из синодальных, архиерейских дворян и монастырских слуг и детей боярских и их детей, также протопопских, поповских и диаконовых и прочего церковного причта детей, и самих недействительно служащих дячков, неположенных в подушный оклад, которым находится число немалое, для нынешней к укомплектованию армии и гарнизонов нужды взять в службу годных 7000 человек» (Полное собрание, 1905, № 3013, 357b). Для этой цели в п. 3 указа приказано было переписать как детей священно- и церковнослужителей, так и их самих и «из них оставить действительно при церквях служащих, сколько таких при каждой церкви быть определено, да сверх того по необходимой нужде для произведения на умершие и прочие убылые места... из недействительных толикое ж число, сколько действительно служащих при каждой

¹ Например, при изложении указа 7 сентября 1737 г. ученый восклицает: «Но как же быть с церковью, как быть с алтарями, требующими постоянно новых служителей? Для них довольно малых и старых», — и заканчивает это изложение словами: «Мудрые государственные люди, очевидно, были плохие канонисты и лучше бы им не ссылаться на церковные правила». Чуть ниже, приводя слова из распоряжения Кабинета о негодных в военную службу, «в праздности жить позволено быть не может, ибо, по Святому писанию, праздность всему злу корень» (ПСЗРИ, 1830, № 7533, именной указ 10 марта 1738 г. поручику Воейкову о церковниках Пензенской епархии), Титлинов восклицает: «Трудно было более нектати проявить свои богословские познания» [Титлинов, 1905, 239, 241–242].

церкви быть определено» (Полное собрание, 1905, 359а). Тех же, которые окажутся не определены ни к церквям, ни, по состоянию здоровья, в военную службу, надлежало «приписывать к посадам и определять по канцеляриям». Также указ предписывал не брать в службу тех детей священно- и церковнослужителей, которые «ныне имеются до сего времени определенные в святейшем Синоде и в прочих Синоду подчиненных местах и в архиерейских домах канцеляристами и копиистами» (Полное собрание, 1905, 359b). Наконец, малолетние дети, «которые при переписи явятся ни в воинскую, ни в церковную службу еще не годны», должны были «остаться в ведомстве Святейшего Синода для определения в школы и произведения на места оставленных при церквях».

Отдельный, 6-й, пункт указа был посвящен служителям духовного ведомства и их детям, которые не были у присяг 1730 и 1731 гг. Речь шла о присяге на верность императрице, к которой в марте 1730 г. были приведены все подданные государства, в том числе и духовенство, и о присяге на верность будущему наследнику престола, объявленной в декабре 1731 г. В Новгородской епархии, по указу из Тайной канцелярии новгородскому вице-губернатору от 25 июля 1734 г., дела о не присягавших рассматривала специально учрежденная следственная комиссия «о секретных делах», которая состояла из вице-губернатора и представителей архиерейского дома (Полное собрание, 1905, 439b; РГИА. Ф. 796. Оп. 17. Д. 379. Л. 115, 206)². Этих-то детей духовенства, которые не принесли присягу, предписывалось «разобрать немедленно и из них всех годных в службы, сколько по разбору явится, кроме тех, кои из церковников и из церковнических детей хотя и не были у присяг, но после указов по следствию от коммисии к тем присягам приведены и как в попы и диаконы посвящены, так и в прочий церковнический причет произведены, взять в солдаты немедленно, дабы видя то, другие так безстрашно чинить не отважились» (Полное собрание, 1905, № 3013, 360).

В Новгороде «разбор» коснулся также и архиерейской школы, что привело к конфликту между светской и духовной властью. Рассмотрению этого конфликта, а также его последствий посвящено наше исследование, которое основывается на изучении фактически только одного дела, хранящегося в фонде «Канцелярии Св. Синода» (РГИА. Ф. 796. Оп. 17. Д. 379; Описание документов и дел, 1906, 463–479).

Новгородская архиерейская школа уже неоднократно становилась предметом внимания историков [Прилежаев, 1877; Вознесенская, 2005]. Однако истории школы в 1727–1737 гг. и, в частности, времени «разбора» духовенства 1736–1738 гг. в литературе внимания было уделено крайне мало. Причина этого, как представляется, заключается в том, что историкам почти не были известны источники, относящиеся к истории школы этого периода, и только в последнее время стали появляться публикации, которые такого рода источники вводят в научный оборот (Новгородский архиерейский дом, 2016, 21–25, 133, 300–301); [Салоников, Суториус, 2018].

О том, что представляла собой Новгородская архиерейская школа накануне «разбора» 1736 г., мы можем судить на основании нескольких дел из фонда «Канцелярии Св. Синода» РГИА: дело о смерти архиеп. Феофана (Прокоповича) (РГИА. Ф. 796. Оп. 17. Д. 318), дело об учреждении по епархиям школ (РГИА. Ф. 796. Оп. 19. Д. 288) и дело о доставке в Синод ведомостей обо всех подведомственных ему школах (РГИА. Ф. 796. Оп. 18. Д. 326).

Согласно ведомости о церемонии, которая состоялась при погребении тела архиеп. Феофана (Прокоповича) в Новгороде (19 сентября 1736 г.), в процессии, сопровождавшей гроб владыки из Антониева монастыря в Софийский собор, шли «Новгородския архиерейския школы ученики в стихарях с перевязями черной материи по 5 человек в ряд, 53 человека» (РГИА. Ф. 796. Оп. 17. Д. 318. Л. 40). В том же деле имеется составленная в конце 1736 г. ведомость о доходах Новгородского архиерейского дома и о необходимых расходах на содержание его разного рода служителей,

² В ГАНО сохранилось списки дворян архиерейского дома и их детей, а также детей священно- и церковнослужителей, бывших и не бывших на присяге в 1730 и 1731 гг. (ГАНО. Ф. 480. Оп. 1. Д. 372, 373).

где указано, что «на содержание школ учителем трем, каковых хотя ныне при тех школах не имеется, но впредь быть надлежат» необходимо было выдать учителям греческого и латинского языка по 100 рублей денег каждому и по 50 четвертей хлеба, учителю «славенороссийского» языка 50 рублей и 25 четвертей, а «имеющимся ныне в наличии при тех школах учеником греколатинским 16, славенской [школы] 54» предполагалось выдать каждому по 8 рублей и по 5 четвертей хлеба (РГИА. Ф. 796. Оп. 17. Д. 318. Л. 364 об. — 365). Здесь не вполне понятным оказывается указание на «греколатинских» школьников. Что изучали они: оба ли языка одновременно, или одни — один, а другие — другой? В «славенской» школе изучали церковнославянский язык. Кроме того, вызывает недоумение указание на то, что учителей языков «не имеется», но при этом есть ученики. Наличие учеников в школе в 1736 г. засвидетельствовано также направленной 28 августа 1738 г. в Синод ведомостью «о школах и учениках в Великоновгородском архиерейском доме обретающихся» (РГИА. Ф. 796. Оп. 18. Д. 326. Л. 549–608), согласно которой в школе находились ученики, поступившие в школу начиная с 1732 г.

Б. В. Титлинов указывает как на главный нормативный документ в деле о «разборе» духовенства на упомянутый выше именной указ от 28 сентября 1736 г. (ПСЗРИ, 1830, № 7070, 943b–948b; Полное собрание, 1905, № 3013, 357b–362a). Однако в доношении Новгородской консистории в Синод 26 ноября 1736 г. о ходе разбора церковников, которые не были у присяг 1730 и 1731 гг., в качестве основания для разбора назван указ из Синода, полученный в Новгородском архиерейском доме 22 октября 1736 г. (РГИА. Ф. 796. Оп. 17. Д. 379. Л. 38). Судя по особенностям текста, речь здесь идет, по-видимому, об указе Синода от 11 октября 1736 г. (Полное собрание, 1905, № 3019, 367a–376a)³. Примечателен контекст, в котором доношение было послано. Новгородская губернская администрация пожаловалась в Синод, что из Новгородского архиерейского разряда не были представлены ведомости о подлежащих «разбору» лицах. В ответ на это 10 ноября 1737 г. Синод, пригрозив страшными карами, потребовал, чтобы разряд немедленно прислал ведомости в губернию (Полное собрание, 1905, № 3029, 392b–393). Эта жалоба оказалась одним из первых свидетельств тех трудностей в отношениях между губернской администрацией и епархиальным начальством, которые неоднократно возникали на протяжении разбора.

На основании этого указа 9 и 11 ноября 1736 г. были разосланы по епархии находящиеся на пропитании в монастырях служилые люди для того, чтобы обеспечить отправку в Новгород к смотру «церковников и священно и церковнослужительских детей» (РГИА. Ф. 796. Оп. 17. Д. 379. Л. 38 об.). В специально учрежденную из представителей губернской канцелярии, с одной стороны, и Новгородского архиерейского дома, с другой, комиссию «о разборе церковников и прочих чинов»⁴, во главе которой стоял новгородский вице-губернатор полковник Александр Бредихин, были «собраны

³ В указе 28 сентября 1736 г., в п. 6 (в ПСЗРИ это п. 2) написано: «не бывших у присяг... всех губернаторам и воеводам обще же с епархиальными архиереями разобрать немедленно... о том в Сенат прислать ведомости» (см.: (ПСЗРИ, 1830, № 7070, 947a; Полное собрание, 1905, № 3013, 360)). Синодальный указ от 11 октября включает текст императорского указа от 28 сентября и распоряжения самого Синода. В п. 6 этих распоряжений говорится (совпадения с доношением консистории выделены курсивом): «при разборе оных не присягавших быть... в губерниях и провинциях, в епархиях обретающихся, с губернаторами и воеводами архиереям, *а где архиереев нет, тех архиерейских домов управителям...* о том в Синод и в Сенат прислать именные ведомости» (Полное собрание, 1905, № 3019, 375), — в доношении Новгородской консистории читаем: «не бывших у присяг всех губернаторам и воеводам обще с епархиальными архиереи *(а где архиереев нет, тех архиерейских домов с управителями)* розобрать немедленно... о том в святейший Синод и в правительствующий Сенат прислать именные ведомости».

⁴ В деле о «разборе» новгородского духовенства упоминается еще «следственная о секретных делах комиссия», которая рассматривала дела тех, кто не принес присяги 1730 и 1731 гг. Однако, как заметил еще Б. В. Титлинов, не вполне понятно, функционировали ли обе комиссии одновременно во время «разбора», или следственная комиссия в это время уже не работала [Титлинов, 1905, 222].

и в той комиссии сего ж ноября 17, 18, 24 и 25 чисел при смотре разбираны» находившиеся в Новгороде и его пригородах священно- и церковнослужители и их дети. В результате смотров, которые были проведены в эти дни, «явилось за старостию и за болезнями и за малолетством в военной службе быть негодных семдесят человек», а годных оказалось 108 человек, которые 20 и 25 ноября, соответственно, были отосланы к находившемуся в Новгороде «для приему рекрут маэору санкт-питебурхскаго гарнизона Владыкину» (РГИА. Ф. 796. Оп. 17. Д. 379. Л. 39).

В деле находится «Копия ис подлинных списков написанных в салдаты при учиненных в новгородской о разборе церковников и прочих чинов комиссии смотрах и разборах Новгородской епархии церковником и священно и церковническим детем и прочих чинов людем, которые в новгородской же следственной о секретных делах комиссии решены и к присягам приведены и в присланной из Новгородской губернской канцелярии имянной ведомости написаны, кои для определения в гварнизонные полки отосланы к маэору Владыкину» (РГИА. Ф. 796. Оп. 17. Д. 379. Л. 40–62 об.), где в разделе «По списку ноября 24 дня» под №№ 96–98 значатся «Архиерейския школы школьники: Мануйла Максимов, понамарев сын Сергей Петров, Семен Семенов подьяк» (РГИА. Ф. 796. Оп. 17. Д. 379. Л. 47). Из заголовка документа видно, что дело упомянутых трех «школьников» рассматривалось еще «следственной о секретных делах комиссией», которая вела следствие о тех, кто не принес присяг. Это подтверждает «Список учиненной ис прежняго с розметками списка написанным в салдаты церковникам и их детем, которые по протоколу учрежденной о разборе церковников и прочих чинов комиссии оставлены на особливое той комиссии рассмотрение для надлежащаго по силе присланного ея императорскаго величества имянного о том разборе указа за неимением ныне при нижеписанных церквах церковников в причет определения» (РГИА. Ф. 796. Оп. 17. Д. 379. Л. 74–76 об.). Здесь же были указаны даты посвящения школьников в подьяки и даты, когда дела их рассматривались в «следственной комиссии». Под заголовком «Архиерейские школы школьники» в списке значатся (РГИА. Ф. 796. Оп. 17. Д. 379. Л. 76):

№	Звание церквей и написанных в салдаты церковников и церковнических детей	По поданным скаскам, где сколько священно и церковнослужителей обретається и кого где не имеется	
20	Мануйла Максимов.	Посвящен в подьяка апреля 8 числа 1735 года. В комиссии решен мая 30 дня 1735 года.	В салдаты.
21	Пономарев сын Сергей Петров.	Посвящен в подьяка генваря 26 дня 1735 года. В комиссии решен мая 13 числа 1735 года.	Тож.
22	Семен Семенов подьяк.	Посвящен в подьяка августа 25 дня 1734 года. В комиссии решен мая 30 дня 1735 года.	Тож.

Отсюда видно, что все трое еще в мае 1735 г. были определены в солдаты, но не были отправлены на службу потому, что еще не было принято решение о назначении церковнослужителей в соответствующих церквах. 6 декабря 1736 г. новгородская комиссия «о разборе церковников и протчих чинов» доносила в Синод, что по указу, полученному 22 октября, «написано в салдаты и другие чины сто двадцать три человека», которые в ноябре были отосланы к майору Владыкину (РГИА. Ф. 796. Оп. 17. Д. 379. Л. 92 об.). В том же доношении комиссия сообщала, что «декабря 1-го дня новгородскаго архиерейскаго дому эконоом монах Герасим доносил в комиссии, что вышеозначенного ноября 25-го дня взяты из домовоы греко-латинской школы ученики Петр Макарьев, Михайло Ермолаев (которые в присланной из новгородской

следственной о секретных делах комиссии в помянутую комиссию ведомости показаны — Петр Макарьев поповым сыном, а Михайло дяконовым сыном, а не школьниками), Семен Семенов подьяк, Сергей Петров и Мануил Максимов и определены в салдаты, а по указу ея ж императорскаго величества, присланному из святейшаго правительствующаго Синода в прошлом 731-м году ноября 29-го числа, велено священно и церковнослужителских детей принимать в школы и в надежду священства обучать в тех школах» (РГИА. Ф. 796. Оп. 17. Д. 379. Л. 92 об.).

Возникает, конечно, вопрос, почему Петр Макарьев и Михаил Ермолаев в ведомости, присланной из Новгорода, названы не школьниками. Нам не известен поименный список учеников школы 1736 г., и, возможно, к началу «разбора» оба они уже не были учениками архиерейской школы. Если это так, то эконом архиерейского дома Герасим сообщил в комиссии заведомо неверные сведения, включив этих двух человек в свое «ведение» для того, чтобы избавить их от военной службы. Однако возможна и другая интерпретация, связанная с широкой трактовкой слова «школьник»⁵.

К доношению прилагалась копия представленного экономом Герасимом «ведения» о том, в «каковых оные ученики науках обращались» (РГИА. Ф. 796. Оп. 17. Д. 379. Л. 94). Это «ведение» оказывается чрезвычайно интересным и важным документом по истории Новгородской архиерейской школы середины 30-х гг., поскольку оно показывает, какие предметы входили в программу обучения школы в это время. Из пяти указанных здесь человек больше всего изучил, согласно «ведению», Михаил Ермолаев, который освоил «славенскую грамматику, законное десятословие, молитву Господню, Символ веры, Блаженства евангелская с толкованием, петь, по-гречески читать, писать речей 25 глав и грамматики 5 частей, по-латине читать, писать речей 25 глав, склонения имен, спряжения глаголов и несколько разговоров и осмочастие». Это означает, что кроме начального обучения («законное десятословие, молитва Господня, Символ веры, Блаженства евангелская с толкованием, петь») он прошел грамматику церковнославянского, греческого и латинского языков. Также греческий и латинский учили Петр Макарьев

⁵ В Новгородской епархии школа во времена ее основателя, митр. Иова, рассматривалась вместе с «гошпиталями» как часть большого социального проекта и, возможно, она продолжала так рассматриваться в последующее время, поскольку дохода в епархиальный бюджет не приносила. Ведомости о «школьниках» представлялись вместе с ведомостью о сиротах, подкидышах, больных и стариках, которые находились на содержании архиерейского дома (см.: (Архив СПбИИ РАН. Кол. 2. Оп. 1. Д. 114. Л. 1–40. Опубликовано: Великий Новгород, 2007, 281–314; ГАНУ. Ф. 480. Оп. 1. Д. 167. Л. 5–10, 15–18 об. Опубликовано: Новгородский архиерейский дом, 2016, 21–25)). Согласно кажущейся очень убедительной гипотезе Максима Яременко, по крайней мере в 30-е гг. XVIII в. в Гетманской и Слободской Украине слово «школьники» обозначало не учеников школы, а тех, кто при школе жил: сирот, неимущих, пришлых людей. Поэтому в числе «школьников» можно встретить и лиц уже со своими детьми, и лиц старше 20 и даже 30 лет. М. Яременко также обращает внимание на то, что документы того времени избегают называть учеников Киево-Могилянской академии «школьниками», хотя ученики в ней были разделены по классам, называемым «школами» [Яременко, 2014, 326–331]. Возможно, и в Новгородской епархии в 20–30-е гг. слово «школьник» употреблялось не для обозначения собственно учеников, а для обозначения тех, кто не могли содержать себя и находились на иждивении епархии (сироты, подкидыши, инвалиды, больные, старики), или тех, кто не могли обеспечить себя жильем. Похожее употребление слова «школьник» можно встретить и в деле из архива Синода 1732 г. о том, чтобы разрешить постриг в монашество «школьника» Якова Безстужева из Астрахани, который по причине того, что был вдовцом, не мог быть диаконом (Описание документов и дел, 1902, № 8, 16–17). Здесь же упоминается «школьник» Андрей Чубовский, который «состоял при астраханской губернской канцелярии». Ни «школьник», который женился и уже успел овдоветь, ни «школьник»-канцелярист не были учениками: по доношению в Синод астраханского преосвященного Илариона 2 мая 1732 г. содержать школу при архиерейском доме для поповских детей у епархии не было средств, «да и учеников не было» (Описание документов и дел, 1913, № 386, 545–547). Возможно, Михаил Ермолаев и Петр Макарьев содержались за счет своих родителей или опекунов, поэтому не были указаны в числе «школьников». Светские же чиновники (знали они об употреблении слова «школьник» или нет — другой вопрос) ссылаются на это умолчание для того, чтобы оправдать свои действия.

и Сергей Петров. Семен Семенов учил греческий. Меньше других, согласно «ведению», изучил Мануил Максимов: «законное десятословие, молитву Господню, Символ веры, Блаженства евангелская с толкованием, писать, петь, славенския грамматики». Из пяти указанных лиц только имя Михаила Ермолаева мы находим в известных списках учеников Новгородской школы предшествующего времени: «дьяконской» сын Михаил Ермолаев значится в ведомости 1727 г. среди учеников школы при Знаменской церкви под № 48 в группе учеников, которые «обучены азбуки и часослова» (РГИА. Ф. 796. Оп. 8. Д. 223. Л. 147⁶). Имена трех школьников — Михаила Ермолаева, Петра Макарьева и Сергея Петрова — мы находим в доношении иподиакона Софийского собора Федора Максимова архиепископу Феофану (Прокоповичу) об обучении детей в архиерейской школе, датированном январем 1733 г. (ГАНУ. Ф. 480. Оп. 1. Д. 272. Л. 16. Опубликовано: Новгородский архиерейский дом, 2016, 301). В доношении Федор Максимов писал, что в разных месяцах 1732 г. по указу владыки в школу были приняты десять человек, среди которых шесть человек изучили букварь: Косьма Стефанов, Михаил Ермолаев, Алексей Ермолаев, Петр Макариев, Игнатий Алексеев, Феофан Авдиев, а четверо заканчивают изучение букваря: Сергей Петров, Никита Епифанов, Стефан Иоаннов и Игнатий Стефанов. Федор Максимов указывал также, что этим ученикам «по обучении букваря учено гречески читать и писать, а потом грамматика, а которые не весьма острые и гречески читать не могут, тем славенская грамматика учена» (ГАНУ. Ф. 480. Оп. 1. Д. 272. Л. 16). В доношении Федора Максимова не названы имена Семена Семенова и Мануила Максимова, которые поступили в школу позднее и по этой причине, очевидно, успели изучить меньше остальных.

Эконом Герасим «требовал, чтоб о вышеозначенных учениках рассмотрение учинено было по силе ея императорскаго величества указов, дабы впредь имеющимся в школах учиником во учении препятственного страха не было, а к произвождению на убылые места в священно и церковнослужители уповаемая надежда неотменно им имела, а школам умаления не произошло» (РГИА. Ф. 796. Оп. 17. Д. 379. Л. 93). Комиссия сочла, что по доношению эконома «без особого ея императорскаго величества указу означенных школьников исключить из салдатства невозможно», поэтому просила у Синода «на оное определить указом». Кроме вице-губернатора Александра Бредихина доношение подписали члены комиссии Антоний, архимандрит Антоновский, и Евфимий, архимандрит Клопский.

Конфликт нарастал, и 6 января 1737 г. из губернской администрации было направлено в Синод доношение о том, что управители Новгородского архиерейского дома остановили разбор не присягавших церковнослужителей и их детей, заявив, что не следует брать в солдаты тех, кто по решению комиссии к присягам приведены, хотя они «в попы и дьяконы не посвящены, и в протчие церковные чины не произведены». Губернская администрация требовала у Синода на это специального указа. 14 января об этом же она доносила еще раз (РГИА. Ф. 796. Оп. 17. Д. 379. Л. 185, 189).

Дело, однако, приняло несколько иной оборот, и вместо ожидаемого разъяснения Синод 14 января 1737 г. обратился к Сенату с «ведением»⁷, в котором просил Сенат направить в Новгородскую губернию «с пристойным подтверждением» указ, чтобы «утеснения и обиды впредь чинено не было» церквам святым «отображением от них действительных церковников и священноцерковнослужительских детей», которые хотя и не принесли присягу в установленное время, но затем, до указа о разборе, к присягам были приведены и потом были определены в действительные церковнослужители или назначены в резерв «на выбылые места», и, кто «в салдаты отмечены, а не отданы, тех к церквам своим возвратить по прежнему» (РГИА. Ф. 796. Оп. 17. Д. 379. Л. 206 об.). Новгородский же вице-губернатор, по словам Синода, несмотря на указ о «неприсягавших, а потом по указам к тем присягам приведенных» и на неоднократные «о силе того указа духовных в коммисии с ним обретающихся персон

⁶ Номера листов указаны по карандашной нумерации.

⁷ Протокол Синода с данным определением датируется 14 января (РГИА. Ф. 796. Оп. 17. Д. 379. Л. 190–199 об.).

представления», не только не оставил при церквях необходимого по штату числа клириков и равного им по числу количества кандидатов на замещение освобождающихся мест, «но и последних действительных причетников от неких церквей отнял и взял в салдаты, а в том числе несколько и школьников, которые в надежду священства в архиерейской школе обучаемы были, и несколько ж иподьяков побрал». В связи с этим Синод просил «у него, вице-губернатора, как в правительствующий Сенат взять, так и в святейший правительствующий Синод повелеть прислать ему надлежащая за евою рукою ответствии» (РГИА. Ф. 796. Оп. 17. Д. 379. Л. 207–207 об.).

Кроме того, по доношению входивших в состав комиссии «о разборе церковников и протчих чинов» членов из числа духовенства, вице-губернатор объявил им свое понимание сделанной в сентябрьском указе оговорки: «кроме тех, кои из церковников и церковнических детей, хотя и не были у присяг, но после указов, по следствию от комиссии к тем присягам приведены и как в попы и диаконы посвящены, так и в прочий церковнический причет произведены». По мнению вице-губернатора, в солдаты надлежит взять всех, кто годен в службу, «кроме толка таких, кои в разные церковные чины произведены после комисского им решения и к присягам приведения». Таким образом, надлежало взять в солдаты всех кандидатов на замещение освобождающихся мест, которые не принесли присяги. В приходах же, по мнению вице-губернатора, «можно наполнятся и исправится негодными в службу и еще неопределенными к церквам и безместными церковниками и малолетными священно и церковническими детми». Однако, по мнению Синода, «такое ево разсуждение весьма оному ея императорского величества всемилостивейшему указу есть противное и знатно из некоей к Церкви Святой злобы происходящее» (РГИА. Ф. 796. Оп. 17. Д. 379. Л. 207 об.), потому что оставлять в резерв надо кандидатов «в церковную службу достойных, а не негодных, то есть не престарелых и не прокаженных, не болящих каких, как он, вице-губернатор, то чинить отважилсЯ, и не малолетных» (РГИА. Ф. 796. Оп. 17. Д. 379. Л. 208). В конце синодального «ведения» названы критерии, которым должны соответствовать кандидаты в церковнослужители: «В диаконы и в попы были б не толко в книжном чтении искусные, но и сколько возможно, усматриваны б постоянныя и добрыя люди, в летах же своих от дватцати пяти до тритцати, а во дьячки и пономари не менши пятнатцати лет сущие» (РГИА. Ф. 796. Оп. 17. Д. 379. Л. 209). Эти три параметра — грамотность, моральные качества и возраст — не раз упоминаются в доношениях управляющих архиерейского дома в Синод при обосновании позиции, которую они занимают в деле о «разборе».

Вице-губернатору был дан ответ в указе из Синода от 20 января 1737 г., что ему «на синодальных подчиненных порок наводить и тем суетно святейший Синод доношениями утруждать весьма не надлежало». Поэтому Синод распорядился объявить губернии, чтобы она «отныне впредь таковыми своими и тому подобными доношениями... святейший правительствующий Синод тщетно не утруждала и таковых на святейший Синод, якобы оной разбор... за неполучением из святейшаго Синода на доношение указа остановился, дерзких нареканий употреблять не отваживалась, а есть ли таковые доношения, о резолюции на что есть точные указы, впредь в присылке из той губернии будут, то по ним никаких от святейшаго правительствующаго Синода резолюций чинено не будет, а требовано будет на таковые... от правительствующаго Сената надлежащей сатисфакции» (РГИА. Ф. 796. Оп. 17. Д. 379. Л. 218 об.–219). По-видимому в связи с тем, что в ходе переписки возник вопрос о том, как следует поступать с теми церковническими детьми, которые учатся или учились в школах: получают ли они на основании своего обучения в школах освобождение от военной службы, — Синод 8 февраля 1737 г. распорядился прислать из епархий ведомости об архиерейских школах со времени учреждения Синода: об учениках (их происхождении, возрасте, изучаемых предметах, назначении на службу), об учителях и об источниках содержания (РГИА. Ф. 796. Оп. 18. Д. 32а. Л. 2–3; Полное собрание, 1905, № 3066, 443b–444b)⁸.

⁸ В Новгороде указ был получен 12 февраля 1737 г. (ГАНУ. Ф. 480. Оп. 1. Д. 385. Л. 5–6 об.).

26 января 1737 г. Синод обратился с новым ведением к Сенату, в котором говорилось, что Новгородская губернская администрация при разборе духовенства исходит из того, что «синодальным подчиненным», которые присягу принесли после 1731 г., следует «тех присяг в присягу не менять, а считать присягавшими толко тех, кое тое присягу исполнили в 731 году». Синод на это возражал, что некоторые лица «из светской команды» в 1731 г. также не успели принести присяги, но принесли ее в 1732 г. и это «вменилось им в точное указов исполнение». В связи с этим Синод заявил Сенату, что «вице-губернатор Бредихин невменением священно и церковнослужителем и протчим чинам, кои тое присягу в 732-м году исполнили, в точное им указов исполнение тщится в них церковнослужителях церковь святую над силу указов преобидеть из конечной злобы своей, и того ради сколко оная губерния в вышеобъявленных ея дерзких на Синод нареканиях и укоре Синод приобидела, о том благопочтенно Синод требует дабы соблаговолено было в правительствующем Сенате учинить благорасмотрение и достойную во оборону Синода сатисфакцию» (РГИА. Ф. 796. Оп. 17. Д. 379. Л. 255 об.).

В свою очередь губернская администрация жаловалась в Сенат, что управители архиерейского дома приостановили «разбор не бывших у присяг церковников», что ни Синод, ни Новгородский архиерейский разряд не предоставили в «губернию» ведомостей о таких лицах, что разбор церковников производился вице-губернатором в присутствии «управителей» архиерейского дома и запись в солдаты скреплялась их подписями в протоколах, а без совещания с духовными лицами он ни одного человека в солдаты не взял, что штат церковнослужителей надо наполнять теми, кто не годен в солдаты, что если для назначения на освобождающиеся места оставлять тех, кто не были у присяг, то можно всех таких лиц расписать на освобождающиеся места, «понеже все священнослужители и церковники, не желая детям своим быть в службе, будут всякими своими происки и пронырствы искать того, чтоб дети их были при местах, а другие впредь для наследства тех мест оставлены, от чего в службу годных мало и останется, а негодные в службу, кои по разбору остаются, все будут праздно жить». Губернская администрация просила Сенат разрешить ее спор с Синодом: брать ли в солдаты церковников и детей их, которые не принесли в свое время присягу, а были приведены к присяге впоследствии специальной комиссией и ни в какой чин еще не произведены⁹.

Сенат вступил в «конференцию» с Синодом, в результате которой 5 марта 1737 г. было вынесено определение о том, что церковников Новгородской епархии и их детей, которые не принесли своевременно присяг, но потом к присягам были приведены и до указа 28 сентября 1736 г. произведены в церковный причт и записаны на освобождающиеся места, в солдаты не брать, и тех из них, которые уже определены в солдаты, но еще не отданы, возвратит к своим церквям (ПСЗРИ, 1830, № 7198, 77а). Более того, тех, которые были «написаны в солдаты и отданы уже в разные команды», следовало, «ежели по ныне на место оных церковников в указное число к церквам, от которых они взяты, других не определено... из солдатства к церквам возвратит по прежнему», а именно тех, которые «обретаются в Новгороде и в Санктпетербурге, а в другие места в полки не командированы, то и тех возвратит, понеже по сообщенной от... Синода ведомости показано во взятые в солдаты и в отсылке таковых только семдесят пять человек» (ПСЗРИ, 1830, № 7198, 78а). Однако тех церковнических детей, которые в причт не произведены и не записаны, Сенат распорядился по-прежнему забирать в солдаты (ПСЗРИ, 1830, № 7198, 77а).

Что же касается заявления Синода о том, что новгородский вице-губернатор, несмотря на неоднократные представления членов комиссии от духовенства, чтобы при разборе церковников он оставлял для замещения освобождающихся мест

⁹ Доводы губернской администрации мы приводим так, как они излагаются в резолюции Сената 5 марта по данному спору, однако у нас нет основания сомневаться в том, что эти аргументы изложены в резолюции верно, поскольку они воспроизводятся и в доношениях в Синод самой «губернии».

определенное по штату каждой церкви число лиц, даже «и последних действительных причетников от нескольких церквей отнял и взял в солдаты», Сенат распорядился «велеть ему, вице-губернатору в Сенат и в святейший Синод ответить, для чего не по силе вышеобъявленного указа поступил» (ПСЗРИ, 1830, № 7198, 77b).

По поводу же не предоставленных в «губернию» ведомостей о тех, кто не принес присяги, в распоряжении Сената сказано, что, хотя из Синода в «губернию» были направлены указы о том, чтобы такие ведомости «учинить по сношению» с консисторией, однако Новгородская губернская администрация, получив из «Синода указы, и знатно, не хотя по оным исполнения чинить», своими доношениями в Сенат и Синод о том, что якобы Синод запретил подавать в «губернию» ведомости о не присягавших, «Сенату чинит напрасное затруднение, а на святейший Синод нареkanie: и для того о том оной губернии в Сенат ответственать; а впредь таких неосновательных доношений... отнюдь не присылать под опасением взятъ не малого штрафа» (ПСЗРИ, 1830, № 7198, 79b–80a).

Не вполне понятно, какая часть сенатского делопроизводства была опубликована в ПСЗРИ в качестве этого указа (определения) Сената. Основанием для сомнения может служить то, что в «Полном собрании постановлений по ведомству православного исповедания» в некоторых случаях был опубликован не окончательный текст указа Синода, который был разослан по епархиям, а «приговор» Синода, состоявшийся за две недели до этого указа. В нашем случае трудность заключается в том, что в доношении в Синод 30 апреля 1737 г. Новгородская губернская администрация ссылается не на указ Сената от 5 марта, состоявшийся после «конференции» с Синодом, с требованием о том, чтобы новгородский вице-губернатор представил в Сенат и в Синод объяснение своих действий, а на указ, изданный 12 марта, и в Новгородской губернской канцелярии полученный 11 апреля (РГИА. Ф. 796. Оп. 17. Д. 379. Л. 308 об.)¹⁰. Возможно, в собрании законов был опубликован не собственно указ, отправленный в губернию, а промежуточный этап сенатского делопроизводства — «приказ» Сената.

В доношении губернской администрации в Синод 30 апреля сообщалось, что с 20 ноября 1736 г. по 18 января 1737 г. в соответствии с указом Сената от 15 октября 1736 г., полученным в Новгородской губернии 22 октября, «взято не бывших у присяг и отослано при промемориях, которые по тому же и духовные персоны крепил, в разные команды в салдаты» 19 церковников, 306 детей священно- и церковнослужителей и 3 школьника, а по причине негодности к военной службе оставлены 59 церковников, 166 детей священно- и церковнослужителей и 20 школьников. Это же доношение свидетельствует, что конфликт между губернией и епархией не был улажен сенатским определением 12 марта 1737 г. В доношении повторяются оправдания и жалобы «губернии», которые мы видели в распоряжении Сената 5 марта, в частности, что «в противность того ея императорскаго величества указу не поступано и одним вице-губернатором без согласия духовных персон ни одного человека в салдаты не имано» (РГИА. Ф. 796. Оп. 17. Д. 379. Л. 308 об.), а «есть ли бы то чинил один вице-губернатор и в противность указу», то члены комиссии из числа духовенства «не могли обще» подписывать протоколов и других документов комиссии. Губернская администрация указывала, что управители архиерейского дома не представляли «надлежащих к рассмотрению ведомостей и списков» церковнослужителей (РГИА. Ф. 796. Оп. 17. Д. 379. Л. 309 об.)¹¹, что они «многих негодных быть в салдатах, а у церквей быть годных» не принимают в число действительных церковнослужителей и кандидатов на освобождающиеся места, а представляют «Синоду на губернию о взятъ церковников и их детей в салдаты ложные показания» (РГИА. Ф. 796. Оп. 17.

¹⁰ Причина столь большого промежутка между изданием указа и получением его в Новгороде — месяц — связана, возможно, с весенней распутицей.

¹¹ Также и осенью 1736 г. губернская канцелярия жаловалась в Синод, что управляющие Новгородского архиерейского дома не прислали ей ведомости «дома Новгородского архиерея о дворянах и детях боярских и монастырских слугах и священно и церковнослужителях и об их детях» (см. указ 10 ноября 1736 г. Полное собрание, 1905, № 3029, 392b–393b).

Д. 379. Л. 310), наконец, что, если бы представители духовенства увидели в действиях вице-губернатора «какую указу ее императорского величества противность, то бы по силе государственных прав должно им в то ж время, и не крепя протоколов, мнение свое объявить и в протокол записать».

Однако административная машина была уже запущена и, во исполнение сенатского указа, 30 апреля 1737 г. в Синод с доношением, подписанным генерал-майором Степаном Игнатьевым, обратилась Санкт-Петербургская гарнизонная канцелярия с просьбой предоставить ей обстоятельное известие о церковнослужителях, взятых в солдаты, «на места их к церквам другие не определены ль, и без них при тех церквах обойтица не можно ль и егда оные к тем церквам уволятца, имеет быть сверх указного числа не излишнее ль», без которого канцелярия «выпуску их из службы... учинить не может» (РГИА. Ф. 796. Оп. 17. Д. 379. Л. 305 об.–306).

6 июня 1737 г. Синод приказал послать в Военную коллегию указ об увольнении по определению 12 марта 1737 г. «Новгородской епархии действительных дьячков и пономарей и записанных в священныя чины и протчий церковной причет священно и церковнослужительских детей... из военной службы» и с указом направить именную ведомость о церковниках Новгородской епархии, взятых в военную службу¹², с таким «объявлением: чтоб оные в здешнем гарнизоне обретающиеся церковники первое для аппробации в книжном чтении присланы были в святейший Синод, и которые из них по аппробации явятся в книжном чтении искусные, то те определятся к церквам своим по прежнему, которые ж по неискуству в книжочтении явятся в церковную службу негодны, те паки возвратятся в военную службу» (РГИА. Ф. 796. Оп. 17. Д. 379. Л. 387 об.). На вопросы же гарнизонной канцелярии был дан ответ, что «на места» взятых в солдаты никто не определен, что без них при церквах обойтись невозможно и что излишнего числа церковнослужителей при церквах не будет (РГИА. Ф. 796. Оп. 17. Д. 379. Л. 388–388 об.).

В направленной при указе ведомости в разделе «Обретающиеся в Санкт-Петербургском гарнизоне», после подзаголовка «Архиерейские школы школьники за умалением певчих и подьяков посвящены в Новгородской Софийской собор в подьяки» значатся с указанием времени их посвящения лица, известные нам по упомянутому выше «ведению» эконома архиерейского дома Герасима: «12. Мануйла Максимов, апреля 8 дня 1735 года. 13. Понамарев сын Сергей Петров, генваря 26 дня 1735 года. 14. Семен Семенов, августа 25 дня 1734 года. 15. Церкви пророка Илии дьяконов сын Михайло Ермолаев, генваря 26 дня 735 года». Под № 17 было записано: «Церкви Луки Евангелиста попов сын Петр Макарьев, определен указом к церкви Преображения Господня, что в Ильине улице в понамаре на место бывшего понамаря, которой записан во дьячка, Стефана Андреева сентября 22 дня 736 года» (РГИА. Ф. 796. Оп. 17. Д. 379. Л. 389 об.–390).

12 июня 1737 г. на основании указа Синода последовал указ из Военной коллегии в Санкт-Петербургскую гарнизонную канцелярию, из которой 18 июня 1737 г. за подписью генерал-майора Степана Игнатьева было направлено в Синод доношение, где говорилось, что по ведомости Новгородского архиерейского дома «отослано для определения в службу Санкт-Петербургского гарнизона к мазору Владыкину из действительных церковников» 34 человека и 34 человека из записанных в резерв, а в Санкт-Петербургском гарнизоне оказалось подлежащих увольнению из этого числа 38 человек, которые, кроме одного, находившегося в командировке, были отправлены в Синод вместе с их именованным списком (РГИА. Ф. 796. Оп. 17. Д. 379. Л. 408–409 об.). В конце этого списка под заголовком «Архиерейские школы школьники» значатся как посвященные в подьяки Мануйла Максимов, Сергей Петров, Михаил Ермолаев и Петр Макарев. Среди них мы, однако, не находим Семена Семенова.

В этом же деле имеется также список 26 «церковников» Новгородской епархии, которые «для абпробации в книжном коегождо их изучении» были отправлены

¹² Эта ведомость составлена на основании ведомости, направленной 18 мая из Новгородского архиерейского дома (РГИА. Ф. 796. Оп. 17. Д. 379. Л. 324).

Синодом к Вологодскому епископу Амвросию (Юшкевичу) (РГИА. Ф. 796. Оп. 17. Д. 379. Л. 413). Здесь же в колонке справа были указаны и результаты проверки (РГИА. Ф. 796. Оп. 17. Д. 379. Л. 413–414 об.):

<p>Нова города Соборной Софийской церкви диаконов сын Михайло Ермолаев. <...></p>	<p>В чтении книг искусен. Книжицу о законе Божии наизусть учил. <...></p>
<p>Церкви Преображения Господня на Илине улице пономарь Петр Макарьев. /Л. 413 об./</p>	<p>В чтении книг посредственный. В школе учился и книжицу о законе Божии наизусть умеет.</p>
<p>Церкви Великомученика Никиты в Никитской улице пономарев сын Сергей Петров. /Л. 414 об./</p>	<p>В чтении книг не умеет. Грамматику и букварь о законе Божии учил.</p>
<p>Села Парфенова церкви великомученика Феодора Стратилата попов сын Мануил Максимов.</p>	<p>В чтении посредственный. Книжицу о законе Божии наизусть умеет и в школе учился.</p>

В этом списке также не значится Семен Семенов.

Обращает на себя внимание оценка, данная Сергею Петрову, который «в чтении книг не умеет», хотя он не только грамматику учил, но и прошел, согласно «ведению» эконома Герасима, больше, чем Мануил Максимов, который «в чтении книг посредственный». Высокая оценка, данная Михаилу Ермолаеву, согласуется со справкой о его образовании у эконома Герасима. Вызывает недоумение и оценка, данная Петру Макарьеву: «в чтении книг посредственный», поскольку он изучил не многим меньше, чем Михаил Ермолаев. Можно предположить, что еп. Амвросий (Юшкевич) давал оценки по трехбалльной шкале и в таком случае «посредственный» соответствует не только современной оценке «удовлетворительно», но и оценке «хорошо».

Церковников, которых еп. Амвросий (Юшкевич) признал «во чтении недовольными и посредственными и по нужде годными», Синод, как написано в «протокольной мемории» 1 июля 1737 г., решил «для свидетельства во чтении паки представить в общем святейшаго Синода собрании». После проверки Синод пришел к заключению, что Петр Макарьев годен в пономари, «подяк Мануил Максимов в том же звании быть годен», а Сергея Петрова решено было «отослать в Троицкой собор до выучки» (РГИА. Ф. 796. Оп. 17. Д. 379. Л. 421–421 об.). Также для «надтверждения в том книгочтении» Синод распорядился отправить «к церквам» еще двух человек. Такое решение кажется неожиданным, поскольку в упомянутом выше указе Синода в Военную коллегию от 6 июня 1737 г. говорилось: «которые по неискуству в книгочтении являясь в церковную службу негодны, те паки возвратятся в военную службу» (РГИА. Ф. 796. Оп. 17. Д. 379. Л. 387 об.).

Возможно, причина такого решения заключалась в том, что хотя связь между образованием и освобождением от военной службы уже существовала в административном сознании¹³, однако параметр возраста еще не был в эту связь включен, и только

¹³ Представление о том, что освобождение от военной службы зависит от уровня образования, можно видеть в доношении Новгородской консистории в Синод 5 марта 1737 г., где говорится, что комиссия «о разборе церковников и протчих чинов» на запрос губернской канцелярии ответила: «которые священнаго и церковнаго чина людей дети... не умеющия грамоте, куда надлежит в службу отсылаются... а которые по учиненным спискам из церковнических детей и назначаются быть в службы годными, токмо они грамоте обучены и впредь ко определению указному к церквам определяемы быть имеют, тем об отсылки в службу до подлиннаго оной комиссии рассмотрения и окончатия указного к церквам полного штата учинить за присланным из святейшаго правительствующаго Синода ея императорскаго величества минушаго генваря 29 дня указом... имеется быть опасность» (РГИА. Ф. 796. Оп. 17. Д. 379. Л. 289). Также в доношении консистории 12 марта говорилось, что она не смеет отослать в губернскую канцелярию

в указе Синода от 31 августа 1737 г. мы встречаем предписание: «Которые священно и церковнослужительские дети от рождения имеют себе по девятнадцати, по двадцати и по двадцати по пяти лет, а грамоте и писать... еще ныне обучаются... таковых за такое их о своем звании нерадение и леность буде подлинно они грамоте не обучены, отдать в салдаты, дабы впредь и другим на то взирая в таком нерадении и лености себя содержать было неотважно» (РГИА. Ф. 796. Оп. 17. Д. 379. Л. 473 об.–474). Это предписание перекликается с жалобой, которая содержится в доношении губернской канцелярии в Синод 8 июля 1737 г., где про документы, которые представляются Новгородским архиерейским домом в комиссию по «разбору», написано «в ведомостях подаваемых за их руками показывано, например, из поповских или других чинов сын девятнадцати, двадцати и до двадцати пяти лет и против того имени написано грамоте и писать обучается, а при церкви будто бы быть может, каковому безграмотному в такие немалые лета по мнению губернской канцелярии быть невозможным и не надлежит кроме одного праздного жительства» (РГИА. Ф. 796. Оп. 17. Д. 379. Л. 447 об.).

В протоколе Синода 4 июля 1737 г. было записано решение: 33 человека «в книжочении искусных и посредственных и к церковной службе годных», среди которых названы дьяконов сын Михайло Ермолаев, попов сын Петр Макарьев и школьник Мануил Максимов, «к церквам святым, от которых они взяты, возвратить» (РГИА. Ф. 796. Оп. 17. Д. 379. Л. 423 об.), а «недостаточных в книжном чтении, о которых признается, что они в том недостатке показались от торопости и боязни, послать для надтверждения в том книжочении к церквам, а имянно, подьяка Сергея Петрова в Троицкой собор» (РГИА. Ф. 796. Оп. 17. Д. 379. Л. 425).

Синод, продолжая настойчиво отстаивать свои сословные интересы, также распорядился прислать ему остальных 30 человек, указанных в ведомости Новгородского архиерейского дома в числе отосланных к майору Владыкину, если они находятся в гарнизонных полках, и заявил, что «за доволное принято быть не может» мнение гарнизонной канцелярии, будто от военной службы подлежат увольнению только те 75 человек, которые указаны в реестре, представленном из Синода в Сенат и о которых шла речь в сенатском определении 12 марта, поскольку на конференции Синода с Сенатом определено «всех тех, которые взяты в Санкт-Петербурх, церковников, ежели на их места других определить будет некого, из службы выключить генерально» (РГИА. Ф. 796. Оп. 17. Д. 379. Л. 425 об.).

5 июля 1737 г. Синодом был выдан «пашепоорт» о том, что из Санкт-Петербурга в Новгород отпущены 33 человека, в том числе «архиерейские школы школьники, посвященные в подьяки Мануил Максимов, Михайло Ермолаев, Петр Макарьев» (РГИА. Ф. 796. Оп. 17. Д. 379. Л. 428). В то же время в Военную коллегию из Синода был отправлен указ¹⁴ согласно принятому 4 июля решению, к которому был приобщен «Реэстр недосланных в святейший Синод Новгородской епархии действительным церковникам и записанным в церковной причет священно и церковнослужительским детям из гварнизонной канцелярии». Здесь под № 6 значится пятый «школьник» из числа упомянутых в «ведении» эконома Герасима — подьяк Семен Семенов (РГИА. Ф. 796. Оп. 17. Д. 379. Л. 432).

для определения в солдаты церковников и их детей «которые... грамоте умеющие и ко определению к церквам быть годны... а кои из них не умеющие грамоте и за тем при церквах быть не годные... для отсылки в службу были в губернию представлены» (РГИА. Ф. 796. Оп. 17. Д. 379. Л. 298). Здесь же консистория жаловалась на то, что вице-губернатор «с товарищи» объявили, что они не намерены оставлять при церквях такое же число людей в резерве, сколько по штату при каждой церкви должно быть священнослужителей, и что они подготовили без согласования с представителями консистории постановление («протокол») о том, чтобы всех без исключения, кто были на смотрях и признаны годными в солдаты, отослать для определения в полки (РГИА. Ф. 796. Оп. 17. Д. 379. Л. 298 об.), которое представители консистории отказались подписывать. Также в доношении консистории 29 апреля проводится различие между церковническими детьми, «грамоте умеющими», которым «удержка учинена» от отправки на военную службу, и детьми, «грамоте малоумеющими и неумеющими» и готовыми «к отсылке в службу» (РГИА. Ф. 796. Оп. 17. Д. 379. Л. 317 об.).

¹⁴ Записан в книгу указов 6 июля (РГИА. Ф. 796. Оп. 17. Д. 379. Л. 433).

В ответ из Военной коллегии 5 августа 1737 г. был направлен в Синод рапорт о 30 названных в реестре лицах, где Семена Семенова и с ним еще трех человек объединили в группу тех, кого «ни в которых полках во определении не было» (РГИА. Ф. 796. Оп. 17. Д. 379. Л. 454). Последнее упоминание о Семене Семенове мы находим в синодальном указе 21 сентября 1737 г.¹⁵, где говорится, что хотя тот и еще три человека, указанные вместе с ним в рапорте Военной коллегии, и были, согласно ведомости архиерейского дома, отправлены к майору Владыкину, однако, по рапорту коллегии, их «ни в которых полках во определении не было», поэтому Синод распорядился в Новгородской комиссии о «разборе» церковников выяснить, «они подлинно ль объявленному маэору Владыкину и в котором годе и месяцах же и числах отосланы, и по приеме их от того Владыкина во оной коммисии вид какой имеется ль» (РГИА. Ф. 796. Оп. 17. Д. 379. Л. 485 об.).

В синодальном протоколе 3 сентября 1737 г., на основании которого был издан указ 21 сентября, также было указано двух из 30 названных в рапорте военной коллегии 5 августа лиц — дьяконова сына Козьму Григорьева и попова сына Петра Афанасьева — «за то, что они в книгочтении явились весьма тупы и потому ни к какой церковной службе быть не годны, отослать в военную коллегия для определения в салдатскую службу по прежнему» (РГИА. Ф. 796. Оп. 17. Д. 379. Л. 481 об.). Это решение оказалось противоположным тому, которое Синод принял 4 июля 1737 г. о судьбе «школьника» Сергея Петрова и еще двух церковнослужительских детей — их было решено «отослать для чтения до выучки» к церквам. Причина такой перемены, возможно, заключалась в том, что в административном сознании сформировалась связь между образованием и освобождением от военной службы, с одной стороны, и возрастом — с другой, о чем может свидетельствовать упомянутый выше синодальный указ от 31 августа 1737 г.

Осенью 1737 г. дело о «разборе» духовенства получает новый толчок, который приводит к неожиданным и долгосрочным результатам в области образования духовенства. 7 сентября 1737 г. был издан императорский указ о том, чтобы перепись детей священно- и церковнослужителей «окончать конечно до половины будущего октября, и которые из них во время той переписки явятся от пятнадцати до сорока лет, таких всех взять без разбору в военную службу» (ПСЗРИ, 1830, № 7364, 257b; Полное собрание, 1905, № 3132, 566b; РГИА. Ф. 796. Оп. 18. Д. 266. Л. 1–2). Здесь, как и в указе 28 сентября 1736 г., говорится об острой необходимости в пополнении армии в военное время, а также делается добавление, что при этих условиях духовенство должно оказать помощь податным сословиям: «Определенные к разбиранию их как духовныя так и светския особы самых лучших из них людей в штат пишут и под другими разными видами от службы кроют и защищают, не рассуждая того, что при нынешнем военном времени в укомплектовании полков крайняя нужда и что такими в праздности живущими людьми в поставке рекрут купечеству и крестьянству вспоможение учинить надлежит» (ПСЗРИ, 1830, № 7364, 257a; Полное собрание, 1905, № 3132, 566a).

В том же указе 7 сентября 1737 г. в связи с «разбором» детей церковнослужителей от 15 до 40 лет было дано распоряжение и о тех, кто еще не достиг пятнадцатилетнего возраста: «малолетных для определения впредь к церквам надлежит обучать на российском языке грамоте, а потом грамматике, риторике и другим высшим наукам, чего ради во всех епархиях и в других пристойных городах школы учредить и искусных учителей, и на содержание тех школ и на пропитание школьников из архиерейских и монастырских и церковных доходов, которые по сие время на архиереев и в монастыри собирались, сумму определить ... и сие весьма полезнейшее дело толь наискорее в действо произвести, чтоб от сего времени неученые люди в церковные чины определяемы не были» (ПСЗРИ, 1830, № 7364, 257b; Полное собрание, 1905, № 3132, 566b)¹⁶.

¹⁵ Протокол заседания Синода составлен 3 сентября (РГИА. Ф. 796. Оп. 17. Д. 379. Л. 478–481 об.).

¹⁶ Это распоряжение перекликается с п. 4 из упомянутого синодального указа 31 августа 1737 г.: «Имеющихся в четырнадцатилетнем возрасте священно и церковнослужительских детей ежели которые из них грамоте подлинно обучены и в книгочтении и пении церковном искусны явятся, к церквам в число действительных включать неотменно, а кои еще не обучены, тех оставлять для определения впредь» (РГИА. Ф. 796. Оп. 17. Д. 379. Л. 473 об.).

Поскольку, видимо, некоторые положения указа 7 сентября могли вызвать нежелательную правоприменительную практику, 25 сентября 1737 г. было дано разъяснение: «Что до взятая в военную службу касается, то не о тех, которые уже в действительном духовном служении или в штатской службе находятся, но о таких, которые живут в праздности» (ПСЗРИ, 1830, № 7385, 300а; Полное собрание, 1905, № 3139, 578b)¹⁷. В указе 25 сентября 1737 г. содержатся распоряжения, касающиеся образования детей духовенства. Эти распоряжения во многом определили на ближайшие десятилетия и отношение государства к школам духовного ведомства, и синодальное дело-производство, касающееся школ, и управление самими этими школами. В частности, в указе говорилось: «имеющихся в школах церковнических детей и, которые по сие число обучались, ныне в военную службу не брать». Этим же указом в п. 5 предписывалось, что покинуть школу ученики могут, только если найдут себе место служения (Полное собрание, 1905, № 3139, 579а). Данное распоряжение объясняет природу такого вида документов, который в историографии нередко называется «аттестатами». Эти документы были не свидетельством о полученном образовании и об академической успеваемости того, кому «аттестат» выдавался, а скорее «паспортом» (как эти документы часто и называются), который свидетельствовал право молодого человека покинуть школу без того, чтобы попасть в солдаты. Пункт 3 указа предписывал собрать в Синод ведомости о том, сколько, начиная с 1730 г., в какой школе синодального ведомства было учеников, чему они учились, чем после обучения занимаются, и «впредь собирать и ее императорскому величеству рапортовать погодно, сколько выучилось, и куда определены, и сколько осталось в школах, и каких наук они выучились, и еще обучаются». Во исполнение этого пункта с 1737 г. в Синод представлялись ежегодно ведомости об учениках из всех школ синодального ведомства¹⁸.

Таким образом, дело о переписи детей духовенства оказалось связано с вопросом об их образовании, и сам указ 25 сентября 1737 г. прямо говорит, что цель его распоряжений состоит в том, чтобы при переписи и «разборе» детей церковнослужителей, которые в школах обучались и обучаются, «никакой конфузии не было и такие ученые люди употреблены были к тому, чему они обучались и охоту имеют» (ПСЗРИ, 1830, № 7385, 300а; Полное собрание, 1905, № 3139, 578b). На основании этого указа юноши призывного возраста, учащиеся в архиерейских школах, с одной стороны, получали иммунитет от призыва на военную службу во время учебы и, соответственно, пребывание детей церковнослужителей в школе делалось привлекательным для их родителей и родственников, что не могло не мотивировать их отправлять туда детей. С другой стороны, хотя на первый взгляд указ и «прикреплял» детей к школам, однако он предполагал их определение после окончания обучения в церковную или светскую, но не в военную службу, что допускалось только в случае хронической неуспеваемости.

На то, что в ходе «разбора» детей церковнослужителей актуализировался вопрос об их образовании, обратил также внимание в своем большом труде, посвященном

¹⁷ На основании этого указа 13 октября 1737 г. Сенатом для Синода было составлено «ведение» с распоряжением: «Из оных церковников, которые действительно при церквях служат, что их при каждой церкви быть определено, таких и находящихся в штатской службе и обретающихся в школах, о которых в вышеписанных ея императорского величества указах имянно изображено, в воинскую службу не брать» (РГИА. Ф. 796. Оп. 18. Д. 308. Л. 1–2 об.). Протокол заседания Синода по этому «ведению» был подписан 21 октября (РГИА. Ф. 796. Оп. 18. Д. 308. Л. 3–3 об.). Тогда же издан синодальный указ с соответствующим распоряжением по своему ведомству (РГИА. Ф. 796. Оп. 18. Д. 308. Л. 4–6 об.), который и был разослан по епархиям (РГИА. Ф. 796. Оп. 18. Д. 308. Л. 9–12).

¹⁸ В архиве Синода мы обнаружили ведомости об учениках новгородской школы/семинарии только за 1737–1744 гг. (РГИА. Ф. 796. Оп. 18. Д. 32; РГИА. Ф. 796. Оп. 21. Д. 596). Однако следы того, что и в последующие годы ведомости составлялись и, видимо, представлялись свидетельствуют находки таких документов в региональных архивах, как, например, ведомость о новгородских семинаристах за 1753/54 учебный год (ГАНО. Ф. 480. Оп. 1. Д. 929. Опубликовано: Ведомость учащихся, 2020).

внутренней политике Анны Иоанновны, Н. Н. Петрухинцев, который при этом полагает, что «вопрос об обучении церковников и подготовке квалифицированных священнослужителей» поставил указ, изданный еще 6 февраля 1737 г. [Петрухинцев, 2014, 681–682]¹⁹. Однако, во-первых, в указе не шла речь о подготовке профессиональных священнослужителей, но только об образовании их, поскольку в школах духовного ведомства не изучались предметы, необходимые священнослужителям для осуществления их профессиональной деятельности (например, литургика, экзегетика Св. Писания, пастырское богословие; в указе 7 сентября, что кажется симптоматичным, даже богословие не упоминается). Во-вторых, нельзя не обратить внимания на то, что в этом указе речь шла только о том, что церковнослужители «вместо братий, детей и племянников своих», которых надлежало взять в военную службу, могут поставить «купленных их людей за всякого по одному», а «их самих от службы свободять», и чтобы те, «кто пожелают в духовенство, обучались грамматике и риторике и, кто охоту возымеют, и философии, також кто пожелают вступить и в приказной чин, те б обучались арифметике и геометрии... а ежели кто из них ныне в духовной и приказной чин не пожелают, таким позволить записываться в купечество и в цехи и класть их в подушный оклад» (ПСЗРИ, 1830, № 7169, 42). Таким образом, в указе 6 февраля не шла речь о том, что учащиеся школ и те, кто в школах уже обучились, освобождаются от военной службы, а определялось только, как надлежит поступать тем, кто от военной службы уже откупились, каких, однако, было меньшинство. Об образовании же детей церковников, которых определяли к местам или оставляли в резерве, чтобы занимать места освобождающиеся, каких было большинство, в указе 6 февраля не говорится. Соответственно, этот указ едва ли мог стимулировать стремление родителей отдавать своих детей в школы и, как мы видим на примере Новгородской школы, этого и не делал. Б. В. Титлинов также писал, что правительство указом 6 февраля 1737 г. «освободило под условием выкупа желающих учиться от солдатства» [Титлинов, 1905, 400]. Однако мы видим, что в этом указе говорится только о том, что те, кто откупают от военной службы своих родственников, должны отправлять их учиться, если те собираются определиться в церковный чин, а не о том, что те, кто хотят учиться, могут откупиться от службы.

Б. В. Титлинов отмечал, конечно, что «некоторые школы быстро наполнялись учениками с началом разбора», и в качестве примера указывал Новгородскую школу [Титлинов, 1905, 399]. Однако неприязнь к правительству Анны Иоанновны привела его к тому, что он расценивал такой поворот в развитии школы скорее как случайное, чем закономерное следствие правительственных начинаний, поскольку, несмотря на декларируемую заботу о духовной школе, правительство «свою церковную политику вело прямо в разрез просветительным интересам, реальной помощи не оказывало и настоящего дела в области духовного образования не делало» [Титлинов, 1905, 414].

По мнению Б. В. Титлинова, «хронологическая связь дает возможность подозревать, что просветительная горячка», которая вдруг началась в 1737 г., отчасти возникла в результате разбирательства о закрытии в 1735 г. архиерейской школы в Казани²⁰, что это событие «возбудило у правительства и духовной власти усиленное внимание к школьному делу» [Титлинов, 1905, 381]. Однако, как показывают документы о «разборе» духовенства Новгородской епархии, поводом для «спешной и напряженной

¹⁹ В указе речь шла об освобождении от военной службы детей церковнослужителей, желающих откупиться, и о том, чтобы уволенные, кто пожелают вступить в духовенство или в приказной чин, обучались в школах, а кто не пожелает, записывались в купечество и в цехи.

²⁰ 13 декабря 1736 г. Синод потребовал прислать ему ведомости об этой школе (см.: (Полное собрание, 1905, № 3048, 423b)), а в начале января 1737 г. состоялся о том же императорский указ (РГИА. Ф. 796. Инвентарная опись № 18. Кол. 4–5. Эта опись представляет собой корректуру неопубликованного 17-го тома «Описания документов и дел, хранящихся в архиве Синода»).

законодательной деятельности в области духовного образования» скорее стало разбирательство о новгородских школьниках, взятых в солдаты. Ученый также отмечает, что в феврале 1737 г. Сенат потребовал у Синода прислать сведения о школах синодального ведомства (РГИА. Ф. 796. Оп. 18. Д. 71/304 (Инвентарная опись № 18. Кол. 127))²¹, и рассматривает это как свидетельство того, что «в высших сферах решили заняться духовно-учебным делом, взять его под свое наблюдение» [Титлинов, 1905, 382]. Однако эта переписка Сената и Синода происходила как раз во время сенатско-синодской «конференции» по поводу новгородских церковников и вполне может быть объяснена стремлением определить круг лиц, которые не подлежали взятию в солдаты, а не «просветительными намерениями».

Н. Н. Петрухинцев обращает внимание на один очень важный момент: «разбор» духовенства оказывается частью более масштабного правительственного мероприятия, которое включало также «разборы» дворянства и разночинцев [Петрухинцев, 2014, 668–687]. В ходе «разбора» дворянства, также как и в ходе «разбора» духовного сословия, становится актуальной тема образования: в указе 9 февраля 1737 г., который регламентировал смотры и обучение дворянских недорослей, а также проверку их знаний, тех юношей в возрасте 16 лет, которые не смогут пройти соответствующую аттестацию, предписывалось отдавать в матросы (ПСЗРИ, 1830, № 7171, 44б; ГАНУ. Ф. 480. Оп. 1. Д. 385. Л. 20 об.–21). В именном указе Кадетскому корпусу 30 марта 1737 г. говорится о том, что кадетов, которые к 16 годам «закона и артикулов веры», арифметики и геометрии знать не будут, должно отдавать в матросы, «ибо от того никакой пользы ожидать не возможно, который в обучении таких безтрудных и ему весьма потребных наук никакого радения не показал» (ПСЗРИ, 1830, № 7213, 94б). Это предписание оказывается созвучным требованию указа 7 сентября 1737 г. о том, чтобы детей духовенства, которые безуспешно учатся в школах, отдавать в солдаты, как и тех, кто в школах не учатся²².

Мы имеем крайне скудные сведения о том, как жила Новгородская школа во время «разбора» детей церковнослужителей в 1736/37 учебном году. Учитель Иван Никифоров 29 марта 1739 г. в прошении в Синод о назначении ему жалования писал: «В прошлом 1734-м году определен я... в... новгородскую архиерейскую школу для обучения имеющих в оной школе учеников на латинском диалекте... и обучал несколько человек до тридцати шестого году, а когда был разбор о присягах, тогда те ученики все отошли от меня: иных в солдаты побрано, а иные померли» (РГИА. Ф. 796. Оп. 19. Д. 288. Л. 240). Возникает вопрос, означают ли эти слова, что в 1736/37 учебном году занятий в школе не было? Отчасти такое предположение согласуется с приведенными выше словами из ведомости о доходах и расходах Новгородского архиерейского дома конца 1736 г., в которой была записана статья расходов на содержание трех учителей: греческого, латинского и «славенороссийского» языка — «каковых хотя ныне при тех школах не имеется, но впредь быть надлежат» (РГИА. Ф. 796. Оп. 17. Д. 318. Л. 364 об.–365). При этом в ведомости значится 70 учеников (16 «греколатинских» и 54 «славенской» школы). Кроме того, в упомянутой выше ведомости «о школах и учениках, в Великоновгородском архиерейском доме обретающихся», которая была направлена в Синод 28 августа 1738 г. (РГИА. Ф. 796. Оп. 18. Д. 326. Л. 549–608), согласно показаниям колонки «Время определению в школу», находились не только ученики, поступившие в школу с 1732 по начало 1736 г., но также ученики, поступившие в школу в 1736/37 учебном году: 17 ноября (РГИА. Ф. 796. Оп. 18. Д. 326. Л. 556 об., № 57), 18 ноября (РГИА. Ф. 796. Оп. 18. Д. 326. Л. 550, № 7), 20 декабря (РГИА. Ф. 796. Оп. 18. Д. 326. Л. 553 об., № 36), 21 декабря 1736 г. (РГИА. Ф. 796. Оп. 18. Д. 326. Л. 557 об.,

²¹ Справка о школах была послана в Сенат 3 марта 1737 г.

²² Б. В. Титлинов неоднократно сетует на то, что правительство лишило детей духовенства «непонятных в науках», права на освобождение от военной службы и что «указы правительства обрекали на солдатчину не одних не учившихся, а и дурно учившихся» [Титлинов, 1905, 241, 399–400]. Однако, как мы видим, правительство подходило так не только к детям духовенства, но и к дворянским недорослям.

№ 64), 29 марта (РГИА. Ф. 796. Оп. 18. Д. 326. Л. 554 об., № 42), 2 мая (РГИА. Ф. 796. Оп. 18. Д. 326. Л. 554, № 41), 18 мая 1737 г. (РГИА. Ф. 796. Оп. 18. Д. 326. Л. 560, № 1–5)²³. Возникает, конечно, вопрос, насколько сведения этой ведомости достоверны. Внутренний анализ документа, рассмотрение его в контексте имеющихся у нас представлений о работе канцелярии архиерейского дома, а также сопоставление с другими документами вызывают доверие к сведениям, которые ведомость сообщает о времени поступления учеников в школу и об их происхождении.

Однако в 1737/38 учебном году ситуация радикально меняется. Уже за июль-август 1737 г. упомянутая ведомость показывает массовый приток учеников: «определенными» в школу в июле значатся 40 человек, а в августе — 31 (РГИА. Ф. 796. Оп. 18. Д. 326. Л. 560 об.–564, № 6–45; Л. 564 об.–567 об., № 46–76). Таким образом, число учеников школы должно было удвоиться.

Докладывая Синоду об исполнении той части указа 7 сентября 1737 г., которая касается обучения детей церковнослужителей до 15 лет, управители Новгородского архиерейского дома доносили 13 января 1738 г., что по указу «надлежит Новгородской епархии священно и церковнослужителей детей, принимая во обретающихся при новгородском архиерейском доме школы, обучать российского и латинского и греческого диалектов грамматики и риторики и других вышних наук, дабы впредь неученых в духовных чинах уже не было. Чего ради из учрежденной о разборе церковников и протчих чинов комиссии священно и церковнослужителей малолетних детей в службу за малолетством негодных для вышепоказанного обучения во оныя обретающиеся при новгородском архиерейском доме школы присылается довольное число, которых поныне кроме показанных прежде имеющих в тех школах учеников семидесяти одного человека числится в присылке и в учении двести девяносто восемь человек, а с прежними триста шездесят девять человек» (РГИА. Ф. 796. Оп. 17. Д. 379. Л. 554 об.).

Мы видим колоссальный рост числа учеников Новгородской школы: с 71 до 369 человек. Однако при сравнении этих данных с ведомостью, отправленной 28 августа 1738 г. в Синод, нельзя не обратить внимания на некоторое несоответствие. Согласно этой ведомости выходит, что до конца декабря 1737 г. в школу было «определено» 293 человека: из них 80 человек значатся в разделе «Ученики, которые до состояния новгородской о разборе церковников и протчих чинов комиссии от розряда и казенного приказа в школу присыланы» (РГИА. Ф. 796. Оп. 18. Д. 326. Л. 549–559 об., № 1–80) и 213 человек — в разделе «Ученики, которые от состояния означенной комиссии присыланы прешедшаго 1737 маиа от 18-го дня и нынешняго 1738 года июля по 1-е число» (РГИА. Ф. 796. Оп. 18. Д. 326. Л. 560–583 об., № 1–213). Заканчивается доношение Новгородского архиерейского дома в Синод от 13 января 1738 г. словами: «впредь к тому еще по разборам помянутой комиссии в присылке в те школы таковых школников быть чаятельно немалому числу». В ведомости 28 августа 1738 г. в списке учеников, отправленных в школу «от состояния» комиссии о «разборе» церковников с 18 мая 1737 г. по 1 июля 1738 г., всего значится 399 человек. Если прибавить 80 человек из первого раздела, то получится 479. Это согласуется с тем, о чем управители Новгородского архиерейского дома писали во всеподданнейшем доношении 20 мая 1738 г.: «По ныне оных церковнических детей в вышепереченныя домовыя школы для обучения при промемориях прислано свыше четырех сот человек, а с прежде показанными ныне налицо близ пятисот человек» (РГИА. Ф. 796. Оп. 19. Д. 288. Л. 5). Однако не все указанные в ведомости лица действительно на момент отправки ведомости учились в школе: 11 человек значатся как умершие, 7 — «при школе в работе», 3 — больные,

²³ В ведомости имеется двойная нумерация учеников. Отдельно значатся «ученики, которые до состояния новгородской о разборе церковников и протчих чинов комиссии от розряда и казенного приказа в школу присыланы» (РГИА. Ф. 796. Оп. 18. Д. 326. Л. 549–559 об.), и отдельно «ученики, которые от состояния означенной комиссии присыланы прешедшаго 1737 маиа от 18-го дня и нынешняго 1738 года июля по 1-е число» (РГИА. Ф. 796. Оп. 18. Д. 326. Л. 560–606 об.).

1 «взят в салдата»²⁴, и еще про 43 человек сказано, что они не учатся или «за збегом», или «за отлучением», или «за слушанием», или по лени.

Наконец, через год, 8 февраля 1739 г., Новгородская комиссия «о разборе церковников и протчих чинов» доносила в Синод, что «из малолетних от семи лет до пятнадцати отослано для обучения указных наук дому архиерейского в школу шестьсот дватцать один человек, где ныне оне и имеются» (РГИА. Ф. 796. Оп. 17. Д. 379. Л. 681 об.). Такое многократное увеличение числа учеников в столь короткое время не могло не привести к трудностям самого разного рода, как бытовым — в каких помещениях заниматься с таким количеством учеников и где их расселить, так и педагогическим — кто будет этих учеников учить. Однако это уже другая страница в истории Новгородской архиерейской школы и тема другого исследования.

Сложности, размолвки и конфликты между губернской администрацией и управляющими архиерейского дома продолжались и на втором году «разбора». Согласно доношению, которое направили 4 ноября 1737 г. в Синод представители из числа духовенства новгородской комиссии «о разборе церковников и протчих чинов», в течение октября по сентябрьскому указу в комиссию было представлено 627 человек (РГИА. Ф. 796. Оп. 17. Д. 379. Л. 521 об.). Однако в доношении сообщалось, что в работе комиссии возникло препятствие, связанное с тем, что губернская канцелярия, возглавляемая вице-губернатором Александром Бредихиным, не утвердила нижнюю и верхнюю границу возраста, в котором должны были являться на перепись дети церковнослужителей. Такое определение было необходимо по причине того, что, хотя в указе 7 сентября были указаны возрастные рамки, в которых должна была проводиться перепись находящихся в ведомстве Синода лиц (от 15 до 40 лет), однако указ о наборе рекрут, объявленный 19 сентября 1737 г., в п. 17 предупреждал, что многие для того, чтобы избежать военной службы, «будут показывать в летах несходство, а именно средовечных лет приумножать, а молодые убавливать», поэтому предписывалось «наборщикам» рекрутов осматривать всех, кто являются для переписи, и, если те окажутся «роста довольного и здоровы и крепки, таких всех, хотя б кто из них в летах написаны выше сорока или ниже пятнадцати, писать в солдаты» (ПСЗРИ, 1830, № 7378, 278b)²⁵.

Кроме того, для вызова в Новгород к переписи церковнослужителей и их детей из пятин Новгородской епархии предполагалось использовать «служилых людей», которые проживали в монастырях «на пропитании», однако губернская канцелярия, по словам доношения, не дала своего согласия на это (РГИА. Ф. 796. Оп. 17. Д. 379. Л. 522 об.). В результате к «разбору» являлось меньше детей и родственников церковнослужителей, чем ожидалось. В свою очередь, губернская администрация жаловалась в Синод, что управляющие Новгородской архиерейского дома отпустили часть собранных в Новгород для «разбора» церковнических детей²⁶.

²⁴ Это «Шелонския пятинны Ретенскаго погоста попов сын Сергей Минин». Ему было 16 лет. В школу был определен 23 декабря 1737 г. Обучен «Заповедем Божиим с толкованием изустно». В армию взят 6 марта 1738 г. (РГИА. Ф. 796. Оп. 18. Д. 326. Л. 581 об., № 195).

²⁵ Остальная часть п. 17 повторяет распоряжения указа 7 сентября 1737 г. В доношении консистории 4 ноября мы также читаем, что «во время подания преждеобъявленных сказок из священно и церковнослужителей некоторые в тех скасках детям своим младым лет убавливали и писали в одиннадцатъ, в двенатцать и в тренатцать лет и ис тех при смотрах и разборах являлися от пятнатцати до дватцати лет и крепости и возрасту доволнаго и в службе быть годными» (РГИА. Ф. 796. Оп. 17. Д. 379. Л. 522). Это свидетельство может объяснить разногласия в указаниях возраста некоторых учеников Новгородской школы, которые встречаются в ведомостях об учениках Новгородской школы/семинарии 1737–1740 гг., составленных во время «разбора» и после его окончания [Салонилов, Суториус, 2018, 34].

²⁶ В доношении в Синод консистории 29 апреля 1737 г. сообщалось, что до марта «умеющих грамоте, назначенных по списком в службу», но не отосланных, было в Новгороде 150 человек, а в марте и апреле оказалось «впредь до рассмотрения от комиссии оставленных двести человек, всего триста пятьдесят» (РГИА. Ф. 796. Оп. 17. Д. 379. Л. 318); об этих же 350 человеках, которым «удержка учинена», говорится в доношении 18 мая (РГИА. Ф. 796. Оп. 17. Д. 379).

Таким образом, если рассматривать «разбор» духовенства 1736–1738 гг. как часть более масштабного проекта по «разбору» сословий времени русско-турецкой войны, то можно видеть, что государство пользуется схожими механизмами принуждения и по отношению к дворянским недорослям, и по отношению к детям церковнослужителей, только если детей церковнослужителей, не получивших минимального образования, к моменту «разбора» предписывалось отдавать в солдаты, то дворянских недорослей — в матросы. Документы о «разборе» показывают, что у духовной власти были рычаги, с помощью которых она могла отстаивать свои интересы. Одним из них оказались распоряжения предшествующего времени об образовании священнослужителей и об образовательном цензе для них. Эти распоряжения не были по разным причинам особенно эффективны в петровское время и не привели к появлению во всех епархиях школ и к тому, чтобы церковнические дети массово в этих школах учились. В глазах представителей светской администрации учащиеся архиерейской школы не обладали никакими привилегиями по сравнению с прочими церковническими детьми. Однако распоряжения эти не были отменены и вписывались во внутреннюю политику правления Анны Иоанновны.

Документы о «разборе» «праздноживущих» детей церковнослужителей Новгородской епархии показывают, что «разбор» стал инструментом, и весьма действенным, развития институтов образования церковнослужителей. Сведения, которыми мы располагаем об учениках архиерейской школы, показывают, что школа стала быстро наполняться новыми учениками, после того как в апреле было получено в Новгороде определение Сената 12 марта 1737 г. об освобождении от военной службы взятых в солдаты церковнослужителей, в том числе учеников архиерейской школы. На основании определенных Синодом требований к кандидатам на должности клириков, среди которых на первом месте было умение читать, утверждается представление о том, что знание грамоты — это основание по крайней мере для отсрочки от военной службы. Возможно, не без влияния распоряжений, касающихся смотров и обучения дворянских недорослей, грамотность церковнослужительских детей оказывается связанной с определенным возрастом. Указы 7 и 25 сентября 1737 г. закрепили иммунитет детей, учащихся в школах, а также тех, которые уже получили образование, от отправки на военную службу и обязательность обучения детей до пятнадцати лет в школах. И хотя наказание за нарушения этих распоряжений было прежним — отправка в армию, однако в условиях продолжающегося второй год «разбора» и уже выработанного механизма отдачи церковнических детей в армию эта угроза была вполне реальной. Сентябрьские указы 1737 г. не могли не сделать выгодным для церковнослужителей обучение их детей, они создали условия, которые вели к формированию потребности в школах, вели к возникновению спроса на них, который, в свою очередь, стимулировал развитие предложения, что привело к возникновению в России сети организованных по иезуитской модели школ для церковнослужительских детей, под какими бы названиями эти школы не значились в документах: «школы», «семинарии», «академии», «коллегиумы». Новгородская же школа (семинария) благодаря импульсу, полученному в 1737 г., становится в 1750-е гг. одной из наиболее успешных таких школ.

Л. 322). В доношении 6 июля консистория сообщала, что неоднократно во время заседаний комиссии по «разбору» предлагалось отпустить на поруки этих церковнических детей из дома, «усмотря довольную прожизу и крайнюю в питомстве нищету», однако «никакова резона от губернии не получено». Поэтому 30 июня управляющие архиерейского дома решили отпустить 119 человек из Новгорода домой, а остальных «разослать в околгородные монастыри» (РГИА. Ф. 796. Оп. 17. Д. 379. Л. 435 об.). Первая жалоба на это решение содержится в доношении губернской администрации в Синод 8 июля 1737 г. (РГИА. Ф. 796. Оп. 17. Д. 379. Л. 449 об.). Расследование этого дела продолжалось до весны следующего года, и только 29 марта 1738 г. консистория направила в Синод доношение о том, что «из отпущенных в дома... паки все к смотру и разбору сысканы и представлены» (РГИА. Ф. 796. Оп. 17. Д. 379. Л. 616).

Источники и литература

Источники

1. Архив СПбИИ РАН — Архив Санкт-Петербургского института истории РАН. Кол. 2. Оп. 1. Д. 114.
2. Ведомость учащихся (2020) — Ведомость учащихся Новгородской духовной семинарии 1753/1754 учебного года / Публ. подгот. Н. В. Салоников, К. В. Суториус // Новгородский архивный вестник. Великий Новгород, 2020. Вып. 16. С. 52–82.
3. Великий Новгород (2007) — Великий Новгород в эпоху петровских преобразований: конец XVII — начало XVIII в. Сб. документов / Сост. Е. В. Анисимов, Т. А. Базарова, Н. Ю. Болотина. Великий Новгород, 2007. 384 с.
4. ГАНО — Государственный архив Новгородской области. Ф. 480. Оп. 1. Д. 167; Д. 272; Д. 372; Д. 373; Д. 385; Д. 929.
5. Новгородский архиерейский дом (2016) — Новгородский архиерейский дом в первой половине XVIII века (по документам Государственного архива Новгородской области): Сб. документов. / Сост. Н. В. Салоников, О. В. Снытко. Великий Новгород, 2016. 360 с.
6. Описание документов и дел (1902) — Описание документов и дел, хранящихся в архиве святейшего правительствующего Синода. СПб.: Синод. тип., 1902. Т. 12: 1732 г. 89 с., 1116 стб.
7. Описание документов и дел (1906) — Описание документов и дел, хранящихся в архиве святейшего правительствующего Синода. СПб.: Центральная типо-литография М. Я. Минкова, 1906. Т. 16: 1736 г. [6] с., 1038 стб.
8. Описание документов и дел (1913) — Описание документов и дел, хранящихся в архиве святейшего правительствующего Синода. СПб.: Синод. тип., 1913. Т. 9: 1729 г. 8 с., 1086 стб.
9. ПСЗРИ (1830) — Полное собрание законов Российской империи с 1649 г. СПб.: Тип. II отд. собственной его императорского величества канцелярии, 1830. Т. 10: 1737–1739. 995 с.
10. Полное собрание (1905) — Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания Российской империи. СПб.: Синод. тип., 1905. Т. 9: 1735–1737 гг. [26], 629 с.
11. РГИА — Российский государственный исторический архив. Ф. 796. Оп. 8. Д. 223; Оп. 17. Д. 318; Д. 379; Оп. 18. Д. 32; Д. 32а; Д. 32б; Оп. 18. Д. 71/304 (Инвентарная опись № 18); Оп. 18. Д. 266; Д. 308; Оп. 19. Д. 288; Оп. 21. Д. 596.

Литература

12. Вознесенская (2005) — *Вознесенская И. А.* Новгородская школа братьев Лихудов // Новгородский исторический сборник. СПб., 2005. Вып. 10 (20). С. 203–235.
13. Петрухинцев (2014) — *Петрухинцев Н. Н.* Внутренняя политика Анны Иоанновны. М: Росспэн, 2014. 1062, [1] с.
14. Прилежаев (1877) — *Прилежаев Е. М.* Новгородские епархиальные школы в Петровскую эпоху // Христианское чтение. 1877. № 3–4. С. 331–370.
15. Салоников, Суториус (2018) — *Салоников Н. В., Суториус К. В.* Ведомости учеников Новгородской архиерейской школы и семинарии как источник по истории образования в первой половине XVIII в. // Документальное наследие Новгорода и Новгородской земли. Проблемы сохранения и научного использования: материалы XVII ежегодной научной конференции. Великий Новгород, 25 мая 2017 года / Отв. ред. Я. А. Васильев. Великий Новгород, 2018. С. 19–36.
16. Титлинов (1904) — *Титлинов Б. В.* Разборы духовного сословия при императрице Анне Иоанновне // Христианское чтение. 1904. № 1. С. 86–121.
17. Титлинов (1905) — *Титлинов Б. В.* Правительство императрицы Анны Иоанновны в его отношениях к делам Православной церкви. Вильна: Русский почин, 1905. XII, 466, II, [1] с.
18. Яременко (2014) — *Яременко М.* «Академіки» та Академія. Соціальна історія освіти й освіченості в Україні XVIII ст. Харків: Акта, 2014. 534 с.